

МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ

**АЛЕКСАНДР
СУКОНИК**

**МЕСТА
ИЗ ПЕРЕПИСКИ**

«ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва

2001

ББК 84(2Рос=Рус)6
С 89

Александр Суконик

С 89 Места из переписки. — М.: Языки славянской культуры,
2001. — 200 с. — Вклейка: 16 с. после с. 200.

ISBN 5-7859-0212-5

Книга содержит путевые заметки оригинального литератора и профессионального фотохудожника. В семидесятые годы автор покинул Советский Союз, в настоящее время живет и работает в США.

ББК 84(2Рос=Рус)6

*Обложка М. Зайцева
(в оформлении использованы фотографии, сделанные автором)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 7859-0212-5

9 785785 902121 >

© А. Ю. Суконик, 2001

Эти письма вполне могли быть найдены в том самом лукошке, в котором прятали свою переписку Меджи и Фидель.

«...итак, будем все терпеть, всему верить, все переносить,—будем милосердны».

Чаадаев,
«Апология сумасшедшего»

Содержание

Письмо первое	9
Письмо второе	29
Письмо третье	60
Письмо четвертое	129
Письмо пятое.	182
Письмо шестое	195
<i>Список фотографий</i>	197

Дорогая XYZ,

...Прежде всего—о той сценке в Альказаре и в связи с этим о «левых» и «правых». Должен сказать, что самый музей, который находится в крепости, поразил меня: я был к нему не подготовлен. Я слишком долго живу в Америке, этом передовом бастионе сегодняшнего гуманизма, принявшего облик «политической корректности», и, сколько бы ни возмущался и ни иронизировал в ее адрес, все равно мое восприятие мира изменилось под ее влиянием. А тут, переходя с этажа на этаж, точнее, с одного яруса крепости на следующий, вдруг обнаруживаю, что музей этот целиком военный и вовсе не посвященный каким-то далеким «некорректным» временам, от которых он отгораживается дистанцией стороннего взгляда, а напротив, совершенно как бы погруженный в них и сейчас. Не могу сказать, какие детали создают такое ощущение: может быть, изрядно попользованные пистолеты с надписями, кому и в какое время они принадлежали, или собрание оловянных солдатиков на третьем этаже? Насчет пистолетов: их подбор дышит интимной заботой, ну вот как если бы у нас в советское время выставили личное оружие героев Гражданской войны. Опять же оловянные солдатики: что им тут делать? В них мерещится какая-то чрезмерность или простая и открытая увлеченность военным делом. Уже позже я узнаю, что эта часть Испании всегда мрачновато славилась воинами и во время гражданской войны была, кажется, больше на стороне франкистов, так что все совпадает... И вот теперь та самая комната, в которой непрерывно крутят по плохому динамику на нескольких языках театрализованный диалог между осажденным франкистским генералом и республиканцами, когда республиканцы приводят к микрофону захваченного ими сына генерала, предлагают в обмен на его жизнь сдачу крепости, и как сын и генерал выкрикивают «да здравствует родина!»,

и как генерал отказывается от компромисса и сына ведут на расстрел...

Теперь насчет той статейки, которую вы приложили. Вы, конечно, правы в вашем сожающем выкрике: почему, почему, почему у левых нет чувства юмора? Конечно, они узкие и догматические люди, но, с другой стороны, у них трудная роль по определению: когда люди хотят, как говорится, «идти вперед», сохранить юмор и грацию невозможно, эта позиция всегда неуклюжа и в свою очередь может быть легко осмеяна (снимите на видеокамеру человека, пытающегося перепрыгнуть через лужу, а потом поглядите на отдельно замершие кадры). Это тем, кто желает сохранить статус-кво, присуща элегантность жеста, даже если они политически ангажированы.

Но я ангажирован своим одиночеством. Поэтому зрелище комнаты, которая, будто по мановению волшебной палочки, битком набивается молчаливыми испанцами именно в тот момент, когда пленка с английского и французского переходит на испанский, кажется мне забавным. Кроме того, частота повторения сценки уничтожает ее трагичность и превращает во что-то напоминающее музей восковых фигур. Но как испанцы узнают, когда начнется испанская передача? Каково их мнение по поводу разыгрываемого эпизода? Их суровые и простые лица не выдают никаких эмоций, как будто они принимают все к сведению, откладывают про запас на тот случай, когда придет время снова сводить счеты с очередными республиканцами или очередными фалангистами.

Тут, однако, интересно не это известное нам с вами и набившее оскомину деление на левых и правых. Я бы вообще не назвал ту статью левой в привычном смысле слова, потому что в ней присутствует модная гуманистическая тенденция — тенденция, так сказать, *ограниченного благоразумия*. Мол, коль скоро выигрыш невозможен, ставка, равная жизни, морально неприемлема. Автор с негодованием и презрением осуждает франкистского генерала не за его фашистскую или реакцион-